

Юнчэн слыл процветающим и оживлённым городом, раскинувшимся на пересечении важнейших торговых путей севера.

Но за последний месяц его сотрясла череда загадочных и жестоких убийств.

Городская стража сбилась с ног, безуспешно пытаясь напасть на след душегуба, из-за чего среди горожан поползли зловещие слухи: поговаривали, будто в городе бесчинствуют злые духи.

Объятые паникой люди спешили укрыться в своих домах; едва солнце клонилось к закату, улицы пустели, а двери и окна наглухо запирались на засов.

Широкие тракты сиротели, погружаясь в мёртвую тишину.

— Нижайший слуга вашего превосходительства вместе со всеми чиновниками Юнчэна уже давно ожидает прибытия главы Вэй, — губернатор Юнчэна рассыпался в любезностях, низко кланяясь. — Долгий путь на север наверняка утомил вас. Мы подготовили скромный пир, дабы почтить ваше превосходительство и разогнать дорожную усталость.

Губернатору на вид было около сорока лет. Тонкие черты лица и мягкие манеры выдавали в нём человека образованного, привыкшего скорее к каллиграфической кисти, нежели к мечу.

Вэй Шаньцюэ лишь сухо кивнул, не став отказываться от приглашения.

За праздничным столом Пэй Чаньин устроился плечом к плечу с Вэй Шаньцюэ. Пока почтенные мужи осушали чарку за чаркой, юноша довольствовался сладким отваром. Просить вина он и не думал: втайне Пэй Чаньин опасался, что хозяева примутся наперебой потчевать его наставника хмельным, и тогда именно ему придётся тащить бесчувственного главу Восточного цеха обратно на закорках.

Но, как выяснилось, он зря беспокоился.

Ни одна живая душа за этим столом не осмелилась бы настойчиво предлагать вино Вэй Шаньцюэ.

Глава Вэй сидел с ледяным выражением лица, и давящая, мрачная аура, исходившая от него, заставляла всех цепенеть. Это было то самое леденящее дыхание смерти, коим славился грозный Восточный цех.

Губернатор честно пытался завязать непринуждённую беседу, однако после нескольких неудачных попыток оставил пустые надежды и послушно перевёл разговор на убийства.

— Все погибшие — молодые, видные юноши, — заговорил губернатор. — И смерть каждого наводит неподдельный ужас: несчастные гибли от того, что их сердца были кем-то или чем-то сожраны без остатка. Страшнее всего то, что их жены или наложницы, делившие с ними ложе в ночь убийства, не слышали ни единого звука. Лишь наутро они обнаруживали подле себя хладные, истерзанные тела... Многие от такого зрелища едва не лишились рассудка.

От этих слов Пэй Чанъин невольно потеснился ближе к Вэй Шаньцюз.

"Неужели в Юнчэне и впрямь завелась какая-то нечисть?"

— Где сейчас тела погибших? — осведомился Вэй Шаньцюз.

— Все они находятся в благотворительном приюте, — поспешил ответить губернатор.

Изначально Вэй Шаньцюз собирался отправиться туда незамедлительно, однако, заметив, как юноша тихонько жмётся к нему, передумал:

— Осмотрим их завтра на рассвете.

Услышав это решение, присутствующие юнчэнские чиновники дружно выдохнули с облегчением. Благотворительный приют располагался на глухой окраине. Дорога туда и обратно заняла бы слишком много времени, и солнце успело бы сесть, а блуждать по улицам после наступления темноты никто из них не желал.

К счастью, губернатор предусмотрительно захватил с собой свитки с записями о жертвах. В них было подробно изложено всё: происхождение убитых, их семейное положение, привычки и круг ближайшего общения.

— Раз после заката выходить на улицу небезопасно, на сегодня закончим, — подытожил Вэй Шаньцюз. — Вы можете идти, господа чиновники.

— Премного благодарны главе Вэй!

Этот слаженный хор благодарных голосов прозвучал куда искреннее, нежели дежурные приветствия в начале пира.

Из соображений безопасности губернатор настоял на том, чтобы разместить почётных гостей непосредственно в своей резиденции.

— Моя обитель скромна и невзрачна, уповаю на ваше великодушие и снисхождение, глава Вэй, — заискивающе пролепетал хозяин дома. — Не смею более тревожить вас, отдыхайте.

Пэй Чанъин так и зыркал по сторонам, с любопытством разглядывая эту якобы «скромную» комнату. Оказалось, что даже подхваты для прикроватного полога здесь были отлиты из чистейшего золота!

— Учитель, а наше Поместье главы Восточного цеха на его фоне и впрямь выглядит сиротливо, — протянул юноша.

Заметив, как у Пэй Чанъина чешутся руки и как он примеряется, не отковырять ли один из золотых крючков, Вэй Шаньцюэ легонько щёлкнул его по затылку.

— Срамota, — покачал головой Вэй Шаньцюэ.

А сам невольно призадумался.

"Может, мне и впрямь стоит выдавать А-Ину больше серебра на карманные расходы? Глядишь на него — на любое блестящее золото кидается, точно сорока. До того ли беден мой воспитанник?"

Уж слишком падок парень был на звонкую монету.

Пэй Чанъин плотно притворил дверь и тихо спросил:

— Учитель, а вам этот губернатор не показался странным? Вроде бы строит из себя благородного учёного, а на деле изворотлив, как старый лис в судейской палате. Лицо честное, благообразное, а из уст — сплошная лесь льётся. С другой стороны, к делам государственной важности он отнёсся на удивление ответственно: бумаги к нашему приезду подготовил безукоризненно.

— На государственной службе излишняя прямота и кристальная честность до добра не доводят, — наставительно произнёс Вэй Шаньцюэ. — Слишком твёрдое дерево легко ломается бурей.

— Но вы ведь совсем другой, — возразил Пэй Чанъин.

— И какой же я, по-твоему?

— Обладаете великой властью, но не злоупотребляете ею ради притеснения слабых. Держитесь со всеми сурово и бесстрастно... ну, кроме меня, конечно, ко мне вы добры. В народе болтают всякое непотребство про Восточный цех, однако ваши агенты Восточного цеха всегда беспрекословно чтут законы империи. Поговаривают также, будто вы безжалостно губите высокопоставленных мужей, но ведь вина каждого из них была полностью доказана, а улики — неопровержимы.

Лицо Вэй Шаньцзюэ на миг приняло озадаченное выражение. Он и помыслить не мог, что в глазах этого юноши выглядит столь благородным человеком.

<http://bllate.org/book/20384/2255162>